

дали была догма о том, что философия ищет безусловно истинные *априорные* аксиомы; это мы должны рассматривать как крайне неудачное выражение указанного инстинкта, особенно в свете того, что философия вообще не состоит из предложений. Однако мы тоже верим в достоинство философии и считаем несовместимыми с ним недостоверность и вероятность; и мы рады, что решающий поворот делает невозможными такие концепции. Ибо понятия вероятности или недостоверности просто неприменимы к действиям по осмыслению, которые образуют философию. Она должна устанавливать смысл предложений как нечто явно окончательное. Либо у нас есть этот смысл, и тогда мы знаем, что означает это предложение, либо мы не обладаем таким знанием и в этом случае имеем дело с пустыми словами, а вовсе не с предложениями. Нет ничего, что было бы посередине, и не может быть и речи о «вероятности» того, что некоторый данный смысл является верным. Таким образом, совершив поворот, философия доказывает достоверный характер своих предложений еще яснее, чем раньше.

И только за счет такого поворота может быть прекращен спор систем. Я повторяю: в результате нового взгляда на вещи мы можем сегодня считать этот оппор практически законченным. Надеюсь, что это будет со всей ясностью отражено на страницах данного журнала * в начальный период его существования.

Разумеется, останутся еще многочисленные попятные движения. Конечно, многие философы столетиями еще будут бродить по проторенным путям и обсуждать старые псевдопроблемы. Но в конце концов их перестанут слушать: они станут напоминать актеров, которые продолжают играть даже после того, как аудитория опустела. И тогда не будет необходимости обсуждать какие-то особые «философские проблемы», ибо можно будет по-философски говорить о каких угодно проблемах, т. е. обсуждать их ясно и осмысленно.

М. Шлик

О ФУНДАМЕНТЕ ПОЗНАНИЯ

I

Все значительные попытки создать теорию познания строились как решение проблемы достоверного знания. А эта проблема в свою очередь вырастала из стремления к абсолютной достоверности.

Существует взгляд, согласно которому утверждения обыденной жизни и науки могут быть в лучшем случае лишь вероятными и даже самые общие результаты науки, подкрепляемые всем человеческим опытом, суть не более чем гипотезы. Это

воззрение постоянно стимулировало философскую мысль — начиная с Декарта и даже, хотя это и не столь очевидно, со времен античности — к поискам неколебимого, несомненного основания, некоего твердого базиса, на котором могло бы покоиться наше недостоверное познание. Недостоверность обыкновенно объясняли невозможностью, скорее всего принципиальной, построить более надежную структуру силой человеческого мышления. Однако все же продолжались поиски фундамента, который существовал бы прежде всяких построений и не был бы шатким.

Усилия в этом направлении предпринимались даже «релятивистами» и «скептиками», которые не признавали возможности такого поиска. Пути поиска были различными, как и связанные с ними мнения. Проблема «протокольных предложений», их структуры и функций есть новейшая форма, в которую философия, или скорее решительный эмпирицизм наших дней, облекает поиски последнего основания познания.

Первоначально под «протокольными предложениями» понимались — как это видно из самого наименования — те предложения, которые выражают *факты* абсолютно просто, без какого-либо их переделывания, изменения или добавления к ним чего-либо еще, — факты, поиском которых занимается всякая наука и которые предшествуют всякому познанию и всякому суждению о мире. Бессмысленно говорить о недостоверных фактах. Только утверждения, только наше знание могут быть недостоверными. Поэтому если нам удастся выразить факты в «протокольных предложениях», без какого-либо искажения, то они станут, наверное, абсолютно несомненными отправными точками знания. Конечно, мы оставляем их, когда переходим к утверждениям, актуально употребляемым в жизни или науке (такого рода переход является, видимо, переходом от «сингулярных» к «универсальным» предложениям), но они тем не менее образуют твердый базис, которому все наши познания обязаны присущей им степени правильности.

И не имеет значения, были или не были сформулированы на самом деле эти так называемые протокольные предложения, т. е. были ли они высказаны, записаны или даже явно «помыслены»; надо только знать, какие предложения образуют базис актуальных обозначений, и быть способными в любой момент их реконструировать. Когда, например, исследователь записывает, что «при таких-то и таких-то условиях стрелка показывает 10,5», он знает, что это означает «две черные линии пересеклись» и что слова «при таких-то и таких-то условиях» (представим себе, что условия здесь оговорены) точно так же складываются в определенные протокольные предложения, которые, если бы он пожелал, могли бы быть сформулированы точно, хотя, наверное, это было бы трудно.

Вряд ли кто-то станет оспаривать, что знание в жизни и науке в *каком-то* смысле *начинается* с констатации фактов и что

«протокольные предложения», в которых они фиксируются, находятся в том же самом смысле в *начале* науки. Что это за смысл? В каком смысле должно быть понято «начало» — во временном или в логическом?

Уже здесь мы обнаруживаем много путаницы и неясностей. Я сказал ранее, что неважно, делаются ли (или высказываются) такие утверждения актуально или нет, и это, очевидно, означает, что они не обязательно должны стоять в начале *по времени*, но могут быть, если возникнет такая необходимость, найдены и позже. Необходимость в их формулировке может появиться в том случае, если мы пожелаем прояснить для себя смысл предложения, которое мы действительно записали. Следует ли тогда понимать отнесение к протокольным предложениям в *логическом* смысле? В этом случае они будут отличаться какими-то определенными логическими свойствами, своей структурой, своим местом в системе науки, и тогда мы должны будем решить задачу выявления этих свойств. Фактически именно так Карнап*, например, первоначально ставил вопрос о протокольных предложениях, хотя и объявил потом, что данный вопрос решается с помощью произвольного выбора¹.

С другой стороны, часто предполагают, что под «протокольными предложениями» должны пониматься только те предложения, которые также и по времени предшествуют другим предложениям науки. Правильная ли это точка зрения? Мы должны помнить, что имеем дело с последним базисом знания о *реальности*. Недостаточно было бы трактовать утверждения как, скажем, «идеальные конструкции» (в платоновском смысле). Нам следует обратиться, скорее, к реальным происшествиям, событиям, которые случаются во времени, — они-то и есть то, о чем высказываются суждения. Поэтому мы должны заняться происходящими в психике актами «мышления» или же физическими актами «говорения» или «письма». Поскольку психические акты суждения пригодны для установления intersubjectively верного знания только в том случае, когда они переведены в вербальные или письменные зафиксированные выражения (т. е. в физически существующую систему символов), то «протокольные предложения» следует рассматривать как некоторые произнесенные, записанные или напечатанные предложения. Например, какие-то символические комплексы из звуков или типографской краски, будучи переведены с обычных сокращений на полноценную речь, означают нечто вроде «М-р N. N. в такое-то и такое-то время наблюдал то-то и то-то в таком-то и таком-то месте» (этого взгляда придерживался, в частности, О. Нейрат)^{2**}. В самом деле, если проследить путь, которым мы действительно идем, когда добываем знание, то обязательно обнаруживаешь этот источник: напечатанные в книгах пред-

¹ Carnap. „Über Protokollsätze“, Erkenntnis. Vol. III. P. 216 ff.

² Neurath. „Protokollsätze“, Erkenntnis. Vol. III. P. 104 ff.

ложения, слова, произносимые учителем, наши собственные наблюдения (в последнем случае мы сами являемся N. N.).

С этой точки зрения протокольные предложения — реальные происшествия в мире, и они по времени предшествуют другим реальным процессам, вроде «построения науки» или производства личного знания.

Не знаю, насколько различие, проведенное здесь между логическим и временным первенством протокольных предложений, соответствует различиям во взглядах, которых придерживаются современные авторы, — это неважно. Нашей целью является установление не того, кто именно высказал правильный взгляд, но того, в чем этот правильный взгляд *заключается*. А для этого наше различение двух точек зрения будет весьма полезным.

По существу эти два взгляда совместимы друг с другом, поскольку утверждения, регистрирующие простые данные наблюдения и стоящие по времени в начале, могут быть одновременно теми же, которые в силу своей структуры образуют логический отправной пункт науки.

II

Нас прежде всего будет интересовать следующий вопрос: что дает формулировка проблемы последнего базиса познания в терминах протокольных предложений? Ответ на этот вопрос сам по себе явится путем к решению проблемы.

Думаю, что значительным усовершенствованием метода является попытка искать базис познания, выявляя не первичные *факты*, а первичные *предложения*. Но я думаю также, что из этого достижения не было извлечено максимума пользы, возможно, в результате непонимания того, что речь в общем-то идет о старой проблеме базиса. Позиция, к которой привело рассмотрение протокольных предложений, на мой взгляд, несостоятельна. Она приводит к своего рода релятивизму, необходимо следующему из того взгляда, что протокольные предложения суть эмпирические факты, на которых затем строится здание науки.

Другими словами: когда протокольные предложения трактуют таким образом, то сразу же возникает вопрос о достоверности, с которой можно утверждать об их истинности; и мы должны признать, что здесь возникает множество самых разных сомнений.

Например, мы встречаем в книге предложение, в котором говорится, что N. N. применил некий инструмент, чтобы проделать некое наблюдение. Мы можем при определенных обстоятельствах этому верить. Однако это предложение (и наблюдение, которое оно фиксирует) ни в коем случае нельзя считать *абсолютно* достоверным. Ибо возможность ошибки очень велика. N. N. мог по небрежности или ненамеренно описать что-то

такое, что не репрезентирует наблюдаемый факт правильно; в записи о нем или в печати также могли закрасться ошибки. По сути дела и допущение, что символы в книге сохраняют свою форму хотя бы на мгновение и не изменяются «сами по себе» в другие предложения, тоже есть эмпирическая гипотеза, которая, будучи гипотезой, никогда не может быть строго верифицирована. Ибо всякая верификация покоится на таких же допущениях и на предположении, что наша память не вводит нас в заблуждение по крайней мере в течение краткого временного интервала и т. д.

Это означает, разумеется, — и некоторые указывают на это почти с триумфом, — что трактующие таким способом протокольные предложения в принципе ничем не отличаются от любых других предложений науки: они являются гипотезами и ничем другим кроме гипотез. Они не являются неоспоримыми, и их можно использовать в строительстве системы науки, пока они поддерживаются или во всяком случае не опровергаются другими гипотезами. Таким образом, мы всегда оставляем за собой право изменить протокольные предложения, и коррекции очень часто и на самом деле происходят, когда мы элиминируем некоторые протокольные предложения, объявляя, что они, должно быть, явились результатом какой-то ошибки.

Даже в случае утверждений, которые мы делаем сами, не исключается принципиальная возможность ошибки. Мы допускаем, что наше сознание в тот момент, когда суждение было высказано, могло быть в состоянии спутанности и что опыт, о котором мы сейчас говорим как об опыте, который мы имели две минуты назад, может оказаться на деле галлюцинацией или чем-то, чего не было вовсе.

Таким образом, ясно, что в рамках этого взгляда протокольные предложения не имеют никакого сходства с тем, что является целью поисков твердого базиса познания. Наоборот, в результате мы должны отказаться от исходного различения протокольных и непроотокольных суждений как различия бессмысленного. Итак, мы начинаем понимать, как люди приходят к мысли³, что любые предложения науки можно отобрать произвольно и назвать «протокольными предложениями» и что поэтому вопрос о том, какие именно предложения так выбираются, есть вопрос об удобстве.

Но можем ли мы согласиться с этим? Только ли в удобстве здесь дело? Не в том ли дело, откуда берутся эти особые предложения, каково их происхождение, их история? И вообще, что здесь имеется в виду под удобством? Какова наша цель, когда мы делаем и выбираем предложения?

Цель может принадлежать только самой науке: достижение *истинного* описания фактов. Для нас очевидно, что проблема базиса знания состоит именно в нахождении критерия истин-

³ К. Поппер * в изложении Карнапа (op. cit. Erkenntnis. Vol. III. P. 223).

ности. Конечно же, причиной введения термина «протокольные предложения» было прежде всего то, что он помогал выделить некоторые предложения, истинностью которых можно было бы измерить, как линейкой, истинность всех других предложений. Но, согласно только что изложенной точке зрения, этот измерительный стержень оказался бы столь же относительным, как, скажем, любые измерительные стержни в физике. И именно этот взгляд вместе с его следствиями был предложен как средство для вытравливания последних остатков «абсолютизма» в философии⁴.

Но что тогда вообще остается в качестве критерия истинности? Поскольку предлагается не то, что все научные предложения должны согласовываться с некоторыми определенными протокольными предложениями, но скорее то, что все предложения должны согласовываться друг с другом, — с тем результатом, что каждое отдельное предложение рассматривается как в принципе могущее быть исправленным, то истина может заключаться лишь во *взаимном согласии предложений*.

III

Этот взгляд, который был в данном контексте явно сформулирован и представлен, например, Нейратом, хорошо известен в новейшей философии. В Англии его обычно называют «когерентной теорией истинности» и противопоставляют старой «корреспондентной теории». Следует заметить, что слово «теория» здесь совершенно не подходит. Ибо наблюдения, касающиеся природы истины, явно иного характера, чем научные теории, всегда являющиеся некоторой системой гипотез.

Суть нового взгляда выражают, противопоставляя его старому: согласно традиционному взгляду, истинность предложения состоит в том, что оно согласуется с фактами; по новому взгляду — теории когеренции — истинность предложения состоит в его согласии с системой других предложений.

Я не стану здесь разбирать вопрос о том, можно ли последний взгляд интерпретировать и так, что внимание будет обращено на нечто вполне правильное (а именно, на тот факт, что в одном определенном смысле мы не можем «выйти за границы языка», как это формулирует Витгенштейн). Скорее, я должен показать, что в той интерпретации, которая требуется настоящим контекстом, взгляд этот недостаточно убедителен.

Если истинность предложения состоит в его когеренции, или согласии с другими предложениями, нам надо ясно понимать, что имеется в виду под «согласием» и *какие* предложения имеются в виду под «другими».

На первый вопрос ответить легко. Поскольку под «согласием» не может иметься в виду, что предложение, подлежащее

⁴ Carnap. Op. cit. P. 228.

проверке, утверждает то же самое, что другие предложения, остается только тот смысл, что они должны быть *совместимыми* с ним, т. е. что между ними нет противоречий. Истина состоит тогда просто в отсутствии противоречия. Однако по вопросу о том, может ли истинность быть отождествлена просто с отсутствием противоречия, нечего и спорить. Следовало давным-давно признать, что только в случае тавтологии можно уравнивать истинность (если вообще применять этот термин) и отсутствие противоречий, как, например, в случае предложений чистой геометрии. Однако в таких предложениях намеренно устранена какая-либо связь с реальностью; это лишь формулы внутри некоторого исчисления; нет смысла в случае предложений чистой геометрии спрашивать, согласуются ли они с фактами мира: они должны быть совместимыми только с аксиомами, произвольно положенными в начало (к тому же обычно требуется, чтобы они следовали из аксиом), и тогда мы называем их истинными, или правильными. Перед нами в точности то, что раньше называли *формальной* истиной и отличали от истины *материальной*.

Последняя есть истина синтетических предложений, предложений о фактах, и если мы желаем описать их с помощью концепции отсутствия противоречий (согласия с другими предложениями), то можем это сделать, только если скажем, что они не могут противоречить *очень специальным* предложениям, а именно тем, которые выражают «факты непосредственного наблюдения». Критерием истинности не может быть совместимость с любыми предложениями; согласие требуется лишь с некоторыми исключительными предложениями, которые вовсе не являются произвольно выбранными. Другими словами, отсутствие противоречий само по себе — недостаточный критерий материальной истинности, речь идет скорее о совместимости с очень специальными предложениями. И для обозначения этой совместимости нет никакой причины не употреблять — я даже считаю, что это употребление в высшей степени оправданно — старого доброго выражения «согласие с реальностью».

Поразительная ошибка «когерентной теории» может быть объяснена только тем фактом, что ее защитники и толкователи размышляли лишь о предложениях, которые актуальны в науке, и считали их своими единственными примерами. Поэтому отношение непротиворечивости было, по сути дела, достаточным, но только потому, что предложения эти имеют очень специальный характер. Они в некотором смысле (сейчас я его разъясню) «происходят» из предложений наблюдения, они «извлекаются» — можно с уверенностью использовать здесь традиционную терминологию — «из опыта».

Если серьезно рассматривать когерентность в качестве общего критерия истинности, мы должны считать всякого рода сказки столь же истинными, как исторические свидетельства или утверждения в трудах по химии, — конечно, в том случае,

когда в сказке нет противоречий. Я могу создать своей фантазией удивительный мир, полный чудесных приключений, — и философ, придерживающийся «теории когеренции», должен поверить в истинность моего повествования, при условии, что я позабочусь о взаимной совместимости моих утверждений, а также приму меры предосторожности, исключив любое столкновение с обыденным описанием мира. Можно, например, поместить сцену действия на далекой звезде, что исключает возможность каких-либо наблюдений. Строго говоря, мне даже не надо принимать этих мер предосторожности; я могу с равным успехом потребовать, чтобы другие приспособились к моему описанию, а не мое описание было приспособлено к ним. Они не смогли бы тогда возразить, что, допустим, некоторое конкретное происшествие противоречит наблюдениям, ибо, согласно когерентной теории, вопроса о наблюдениях нет, а есть лишь вопрос о совместимости утверждений.

Поскольку никто не станет считать утверждения из книги сказок истинными, а утверждения из текста по физике ложными, «когерентный» взгляд оказывается совершенно несостоятельным. К когеренции должно быть прибавлено еще что-то, а именно некий принцип, в терминах которого может быть установлена совместимость; и только это станет настоящим критерием.

Если дано множество предложений, и среди них некоторые противоречат друг другу, то я могу установить согласованность несколькими способами: в одном случае, например, отбирая некоторые предложения и отбрасывая или изменяя их, а в другом — проделывая это с предложениями, которые противоречат первым.

Таким образом, когерентная теория логически невозможна; она совершенно неспособна дать недвусмысленный критерий истины, ибо с ее помощью я могу прийти к любому числу согласованных систем предложений, которые будут несовместимы друг с другом.

Единственный способ избежать этого абсурда — не позволять, чтобы какие-либо предложения отбрасывались или изменялись, но, скорее, определить те, которые следует оставить и к которым должно быть приспособлено все остальное.

IV

Таким образом, мы избавляемся от когерентной теории и приходим ко второму пункту нашего критического рассуждения, а именно к вопросу о том, *все* ли предложения исправимы или же есть и такие, которые нельзя поколебать. Эти последние, конечно, и образовали бы тот «базис» всего знания, который мы ищем, но не можем пока что сделать ни шагу в его направлении.

Но по какому признаку мы должны отличать эти утверждения, которые сами остаются неизменными, в то время как все другие должны быть приведены в согласие с ними? Мы будем называть их далее не «протокольными предложениями», а «базисными предложениями», поскольку очень сомнительно, чтобы эти предложения вообще встречались среди протоколов науки.

Самым очевидным средством будет найти искомое правило в своего рода принципе экономии, а именно, когда мы выбираем в качестве базисных предложений те, сохранение которых требует *минимума* изменений во всей системе предложений в целом, необходимых для того, чтобы избавить ее от противоречий.

Стоит заметить, что такой принцип экономии не позволяет нам считать какие-то утверждения базисными отныне и навеки, ибо может случиться, что с прогрессом науки базисные предложения, служившие в качестве таковых до определенного момента, придут к вырождению, если окажется, что экономнее отказаться от них в пользу новых предложений, которые в свою очередь с этого времени (и до поры) будут играть роль базисных. Это, конечно, не является уже точкой зрения когерентности в чистом виде, а основывается на принципе экономии; для характеристики такого взгляда подошло бы также понятие «релятивности».

Мне кажется несомненным, что представители критикуемого взгляда явно или неявно взяли в качестве ориентира именно принцип экономии: я уже заметил выше, что с точки зрения релятивности имеются вполне определенные основания, определяющие селекцию протокольных предложений, и я спросил: можем ли мы признать это?

Теперь я отвечу на этот вопрос отрицательно. На самом деле не «экономические» соображения, но совершенно другие черты отличают подлинные базисные предложения.

Процедура выбора этих предложений называлась бы экономической, если бы состояла, скажем, в подчинении мнениям (или «протокольным предложениям») большинства исследователей. Конечно, мы не сомневаемся в существовании некоторых фактов, например фактов географии или истории; не сомневаемся мы даже и в существовании некоторых природных законов, когда обнаруживаем, что в соответствующих контекстах их существование многократно засвидетельствовано. В этих случаях нам не приходится в голову исследовать положение дел заново. Мы соглашались с тем, что общепризнано. Но это объясняется тем фактом, что мы точно знаем способ, каким обычно делаются такие фактуальные утверждения, и что этому способу мы доверяем; дело не в том, что он согласуется с точкой зрения большинства. Наоборот, он может стать общепринятым, только если все будет чувствовать к нему одинаковое доверие. Считаем ли мы предложение исправимым или отменимым и в какой степени, зависит единственно от его *происхождения*, а вов-

се не от того (за исключением очень специальных случаев), требует ли его сохранение коррекции многих других предложений и возможной реорганизации всей системы знания в целом.

Прежде чем применять принцип экономии, следует знать, к каким предложениям он должен применяться. И если бы принцип экономии был *единственным* решающим правилом, то ответ мог бы быть только таким: ко *всем*, которые утверждаются (или когда-либо утверждались) с какой бы то ни было претензией на правильность. На деле фразу «с какой бы то ни было претензией на правильность» следует опустить, ибо как бы мы отличали такие предложения от тех, которые утверждают совершенно произвольно, в качестве шуток или с целью обмана? Это различие не может быть даже сформулировано, если не принимать во внимание *происхождение* предложений. Так мы снова обнаруживаем, что пришли к вопросу об их природе. Без классификации предложений по их происхождению любое применение принципа экономии будет абсурдным. Но как только предложения изучены в том, что касается их природы, тут же становится очевидным, что мы тем самым уже упорядочили их по степени правильности и что места для применения принципа экономии уже не осталось (кроме некоторых очень специальных случаев в еще формирующихся областях науки). Мы также можем видеть, что такое упорядочение указывает путь к базису, поиском которого мы занимаемся.

V

Здесь, конечно, нужна величайшая тщательность. Ибо мы пустились в путь по дороге, которой шли со времен античности все те, кто когда-либо искали последние основания истины. И они неизменно терпели поражение, стремясь достигнуть цели. Упорядочивая предложения по их происхождению (делая это для оценки их достоверности), я начинаю с того, что отвожу особое место тем из них, которые делаю сам. На втором месте предложения, принадлежащие прошлому: поскольку их достоверность может быть ослаблена «ошибками памяти», то чем они отдаленнее по времени, тем более ослабляется их достоверность. С другой стороны, предложения, которые располагаются на вершине и не подлежат никакому сомнению, — это те, которые выражают факты нашего собственного «восприятия» или чего-то в этом роде. Такие предложения кажутся простыми и ясными, однако несмотря на это, философы оказывались в безнадежно запутанном лабиринте, как только делали попытку использовать их в качестве основания всего познания. Частями этого запутанного лабиринта являются, например, те формулировки и дедукции, которые находились в центре бесчисленных философских диспутов по темам: «свидетельство внутреннего восприятия», «солипсизм», «солипсизм настоящего мо-

мента», «достоверность самосознания» и т. д. Картезианское *cogito ergo sum* — самая известная формулировка, к которой привел этот путь — конечный пункт, и к нему приблизился уже Августин. Что касается *cogito ergo sum*, мы наконец разобрались, в чем тут дело: мы знаем, что это просто псевдоутверждение, которое не становится подлинным, даже если выражать его в форме «*cogitatio est*» — «содержания сознания существуют»⁵. Такое утверждение, само по себе ничего не выражающее, не может ни в каком смысле служить базисом чего бы то ни было. Оно не является познавательным, и на нем ничего не основывается. Не может оно и придавать достоверность какому-то познанию.

Существует поэтому большая опасность, что, следуя по указанному пути, мы придем к пустым словесам вместо искомого базиса. За критической теорией протокольных предложений стоит на самом деле желание избежать этой опасности. Но предложенный ею выход неудовлетворителен. Его *существенный* недостаток состоит в игнорировании различия предложений по рангу, что выражается яснее всего в том факте, что для системы науки, которая принимается за «правильную», единственно решающее значение в конце концов имеют лишь наши *собственные* утверждения.

Теоретически представимо, что мои собственные наблюдения никак не подкрепляют утверждений, которые делают о мире другие люди. Возможно, что все книги, которые я читаю, все учителя, которых слушаю, пребывают в полнейшем согласии, никогда не противоречат друг другу, однако при этом их утверждения просто несовместимы с большей частью моих утверждений наблюдения. (Некоторые трудности будут сопровождать в этом случае проблему изучения языка и его употребления в коммуникации, но они могут быть устранены с помощью определенных допущений, касающихся тех мест, в которых возникают противоречия.) Согласно критикуемому взгляду, я в этом случае должен просто пожертвовать своими «протокольными предложениями», ибо им будет противоречить подавляющее большинство других предложений, которые сами находятся во взаимном согласии, и невозможно ожидать, что они будут исправлены соответственно моему собственному ограниченному и фрагментарному опыту.

Но что же тогда произойдет? Прежде всего, я ни при каких обстоятельствах не откажусь от моих собственных предложений наблюдения. Наоборот, я могу принять только систему знания, в которую они входят без искажения. И я всегда могу построить такую систему. Мне только нужно считать других людей сонными идиотами, в сумасшествии которых прослеживается замечательная метода, или — если выражаться более объективно — я сказал бы, что другие живут в мире, который от-

⁵ Ср.: „Positivismus und Realismus“, Erkenntnis. Vol. III. P. 20.

личается от моего и имеет ровно столько общего с моим миром, чтобы возможно было достигнуть понимания средствами одного и того же языка. В любом случае независимо от того, какую картину мира я рисую, я всегда буду проверять ее истинность в терминах моего собственного опыта. Я никому и никогда не позволю отнять у меня эту опору: мои собственные предложения наблюдения всегда будут последним критерием. И я буду восклицать: «Что я вижу, то вижу!»

VI

В свете этих предварительных критических замечаний становится ясно, где следует искать решения этих трудностей: мы должны идти дорогой Картезия — до тех пор, пока она хороша и проходима, но постараться затем избежать ловушки и тому подобной чепухи. Мы достигнем этого, прояснив для себя самих ту роль, которую в реальности играют предложения, выражающие «непосредственно наблюдаемое».

Что в действительности скрывается за словами об их «абсолютной достоверности?» И в каком смысле можно считать их последним основанием всего познания?

Разберем сначала второй вопрос. Вообразим, что я сразу же фиксирую каждое наблюдение — и в принципе неважно, делается это на бумаге или в памяти, — и затем начинаю с этого пункта построение науки. В таком случае я бы имел дело с подлинными «протокольными предложениями», которые стоят по времени в начале познания. Из них постепенно возникали бы остальные предложения науки — посредством процесса, называемого «индукцией», который состоит ни в чем ином, как в том, что протокольные предложения стимулируют или индуцируют выдвижение пробных обобщений (гипотез), из которых логически следуют эти первые предложения, а также бесконечное число других. Если же эти другие предложения выражают *то же самое*, что и более поздние предложения наблюдения, полученные при вполне определенных условиях, которые заранее точно оговорены, то гипотезы считаются подтвержденными — если не появляется никаких предложений наблюдения, которые противоречат предложениям, извлеченным из гипотез, и, таким образом, самим гипотезам. Если этого не происходит, мы полагаем, что натолкнулись на закон природы. Индукция, таким образом, есть не что иное, как методически проводимое угадывание — психологический, биологический процесс, течение которого не имеет, конечно же, ничего общего с «логикой».

Такова схема актуальной научной процедуры. Очевидно, какую роль играют в ней предложения о «непосредственно воспринятом». Они не тождественны тем, которые записываются или запоминаются, — тем, которые называются «протокольными предложениями», — но они являются *поводом* для их обра-

зования. Протокольные предложения в книге или в памяти, как мы давным-давно признали, можно сравнить с гипотезами. Ибо когда мы имеем перед собой такого рода предложение, мы можем лишь допускать, что оно истинно, что оно согласуется с предложениями наблюдения, которые его порождают. (По сути дела оно может и не вызываться предложениями наблюдения, а извлекаться из той или иной игры.) То, что я называю предложением наблюдения, не может быть тождественно настоящему протокольному предложению, хотя бы уже по той причине, что его вообще нельзя записать. Этот момент мы сейчас и обсудим.

Итак, в схеме построения знания, которую я обрисовал, роль предложений наблюдения заключается прежде всего в том, что они стоят по времени в начале всего процесса, стимулируя его и подвигая. Насколько их содержание переходит в знание, остается в принципе поначалу неопределенным. Таким образом, вполне можно увидеть в предложениях наблюдения главный источник всего познания. Но следует ли описывать их как базис, как последнее достоверное основание? Вряд ли это так, ибо данный «источник» находится в очень сомнительном отношении к зданию науки. Но в дополнение к этому мы понимаем, что имеем дело со схематическим упрощением реального процесса. В реальности то, что выражается в протоколах, находится в менее тесной связи с наблюдаемым и в целом не следует предполагать, что между наблюдением и «протоколом» могут незаметно встать какие-то чистые предложения наблюдения.

Но утверждениям о непосредственно воспринятом принадлежит и вторая функция — «констатаций», как мы можем их назвать, а точнее, подкрепления гипотез, их *верификации*.

Наука делает предсказания, которые «опыт» проверяет. Ее существенной функцией является предсказание. Она говорит, к примеру: «Если в такое-то и такое-то время вы посмотрите в телескоп, направленный туда-то и туда-то, вы увидите, что световая точка (звезда) пересеклась с черной риской (перекрестием)». Допустим, что, выполняя эти инструкции, мы действительно сталкиваемся с предсказанным опытом. Это означает, что мы получаем предвиденную констатацию, мы высказываем ожидаемое суждение наблюдения, мы получаем тем самым ощущение *свершения*, особого удовлетворения. Вполне можно сказать, что предложения констатации, или наблюдения, осуществили свою истинную миссию, как только мы получили это особого рода удовлетворение.

А оно приходит в тот самый момент, когда имеет место констатация, когда делается утверждение наблюдения. Это чрезвычайно важно. Ибо тогда функция утверждений о непосредственно воспринятом сама принадлежит непосредственно настоящему. На деле мы видели, что у них нет, так сказать, длительности, что в тот самый момент, когда они уходят, в нашем

распоряжении остаются надписи, следы в памяти, которые могут играть лишь роль гипотез и потому лишены последней достоверности. Нельзя построить никакой логически приемлемой структуры на констатациях, ибо они ускользают в тот самый момент, когда мы начинаем строить. Если они находятся в начале процесса познания, то логически бесполезны. Другое дело, если они находятся в конце; они приводят верификацию (или также фальсификацию) к завершению, и в самый момент их появления они уже выполнили свое назначение. Логически от них ничего более не зависит, из них не делается никаких заключений. Они абсолютно окончательны.

Разумеется, психологически и биологически сразу вслед за удовлетворением, которое они создают, возникает новый процесс познания: гипотезы, верификация которых заканчивается этим удовлетворением, считаются защищенными, ищутся формулировки более общих гипотез, выдвижение догадок и поиск универсальных законов продолжаются. Предложения наблюдения образуют начало и стимул для тех событий, которые следуют за ними во времени, в указанном выше смысле.

Мне думается, что эти соображения бросают новый и ясный свет на проблему последнего базиса познания, и мы видим, каким образом происходит строительство системы познания и какова роль «констатаций» в этом процессе.

Познание прежде всего служит жизненным нуждам. Чтобы сориентироваться в окружении и приспособить свои действия к событиям, человек должен в какой-то степени уметь предвидеть события. Для этого он использует универсальные предложения и может использовать их только в том случае, если то, что предсказывается, случается на самом деле. Эта характеристика познания применима и к науке: единственное отличие состоит в том, что наука не служит более задачам жизни и научное знание не ищется с целью его практического использования. Когда предсказание подтверждено, цель науки достигнута: радость познания есть радость верификации, ощущение триумфа, если догадка оказывается верной. И именно эту радость доставляют нам утверждения наблюдения. В них наука как будто достигает своей цели: ради них она и существует. Вопрос, скрытый за проблемой абсолютно достоверного базиса познания, есть, видимо, вопрос о правомерности этого чувства удовлетворения, которое наполняет нас при верификации. Сбылись ли наши предсказания? В каждом конкретном случае верификации или фальсификации «констатация» недвусмысленно отвечает «да» или «нет», наполняя нас радостью свершения или же разочарованием. Констатации являются окончательными.

«Законченность» — очень подходящее слово для обозначения функции предложений наблюдения. Они суть абсолютно конечные. В них на данном этапе выполняется задача познания. Новая задача начинается вместе с удовольствием, которое

является кульминацией, с гипотезами, которые остаются позади, однако это их не касается. Наука не поконит на этих предложениях, но ведет к ним, и они говорят о том, что наука делала это правильно. В реальности они — абсолютные фиксированные точки; радость приносит то, что мы можем достигать их, даже если не можем на них опираться.

VII

В чем состоит эта фиксированность? Мы возвращаемся тем самым к отложенному вопросу: в каком смысле можно говорить о предложениях наблюдения как об «абсолютно достоверных»?

Сначала скажу о совершенно другом типе предложений, а именно об *аналитических* предложениях: это прольет какой-то свет на поставленный вопрос. Затем я сопоставлю их с «констатациями». В случае аналитических предложений хорошо известно, что вопрос об их правильности не составляет проблемы. Они таковы a priori: нельзя, не следует и пытаться искать опытных данных для доказательства их правильности, ибо они ничего не говорят об объектах опыта. Поэтому они обладают лишь «формальной истинностью», т. е. «истинны» не потому, что правильно выражают какой-то факт, а потому, что правильно построены, т. е. согласуются с нашими произвольно установленными определениями.

Однако некоторые философы считали себя обязанными спрашивать: «Да, но как быть в индивидуальном случае, согласуется ли некоторое предложение с определением или нет, является ли оно на самом деле аналитическим и может ли поэтому претендовать на бесспорность? Не должен ли я в таком случае помнить эти определения, помнить смысл всех слов, которые используются, когда я говорю, слышу, читаю предложения? Могу ли я быть уверен, что моих психологических сил достаточно для этого? Не получится ли так, например, что в конце предложения я позабуду начало или неправильно его запомню? Не должен ли я согласиться, что в силу психологических причин я никогда не могу быть уверен также и в истинности аналитического суждения?»

На это имеется следующий ответ: возможность того, что психический механизм подведет, всегда имеется, но выводы, которые из этого следуют, не описываются адекватно теми скептическими вопросами, которые были перечислены только что.

Возможно, что из-за слабой памяти и тысячи других причин мы не понимаем предложения или понимаем его неверно (т. е. не понимаем его смысловой направленности) — но что это означает? Так, если я не понял предложения, то оно является

для меня не предложением, но лишь рядом слов, звуков или письменных знаков. В этом случае проблемы нет, ибо только о предложении, а не о бессвязном ряде слов, можно спрашивать, является ли оно аналитическим или синтетическим. Однако если я неверно интерпретировал ряд слов, но все же интерпретировал его как предложение, то я тогда знаю именно об этом предложении, является ли оно аналитическим или синтетическим и, следовательно, правильным а priori или же в силу других причин. Нельзя думать, что я мог бы постичь предложение как таковое и все же сомневаться в его аналитичности. Ибо если оно аналитическое, я понял его только тогда, когда понял его как аналитическое. «Понять» не означает ничего иного, как прояснить правила, по которым употребляются слова; но именно эти правила употребления и делают предложения аналитическими. Если я не знаю, образует комплекс из слов аналитическое суждение или нет, это просто означает, что в данный момент я не знаю правил употребления; что, следовательно, я просто не понял предложения. Таким образом, дело в том, что или я совсем ничего не понял, и тогда сказать больше нечего, или я знаю, является ли то предложение, *которое* я понимаю, синтетическим или аналитическим (что, разумеется, не предполагает, что эти слова витают передо мной, даже что я знаком с ними). В случае аналитического предложения я сразу знаю, что оно правильно, что оно обладает формальной истинностью.

Выраженное выше сомнение в правильности аналитических предложений было, следовательно, неоправданным. Я, конечно, могу сомневаться, правильно ли я уловил смысл какого-то комплекса знаков и даже могу ли я вообще понять смысл какой-либо последовательности слов. Но я не могу задавать вопроса о том, могу ли я удостоверить правильность аналитического предложения. Ибо понять его смысл и установить его априорную правильность для аналитического предложения — *один и тот же процесс*. В противоположность этому синтетическое предложение характеризуется тем, что я ни в малейшей мере не знаю, истинно оно или ложно, если я удостоверил только его смысл. Его истинность определяется лишь сравнением с опытом. Процесс осмысления здесь совершенно отличен от процесса верификации.

Есть только одно исключение. И мы возвращаемся здесь к нашим «констатациям». Они всегда имеют форму «здесь теперь так и так», например: «здесь совпадают две черные точки», или «здесь желтое граничит с синим», или «здесь сейчас больно» и т. д. Общим для всех этих утверждений является то, что в них входят *демонстративные* термины, имеющие смысл прямого жеста, т. е. правила их употребления учитывают, что при построении предложений, в которых они встречаются, имеется некоторый опыт и внимание направлено на что-то наблюдаемое. То, что обозначают такие слова, как «здесь», «теперь»,

«это вот», не может быть передано только с помощью общих определений в словах; должно быть их соединение с указанием или жестами. «Это вот» имеет смысл только в связи с каким-то жестом. Следовательно, чтобы понять смысл такого предложения наблюдения, следует одновременно выполнить жест, нужно каким-то образом указать на реальность.

Другими словами, я могу понять смысл «констатации», только сравнивая ее с фактами, осуществляя таким способом процесс, который необходим для верификации всех синтетических предложений. В то время как в случае всех других синтетических предложений установление смысла отделено, отлнчимо от установления истинности, в случае предложений наблюдения они совпадают, как и в случае аналитических предложений. Как бы ни отличались, следовательно, «констатации» от аналитических предложений, общим для них является то, что их понимание есть в то же время их верификация: я схватываю их смысл одновременно с их истинностью. В случае констатации так же неосмысленно спрашивать, не обманываюсь ли я в ее истинности, как и в случае тавтологий. В обоих случаях мы имеем дело с абсолютной правильностью. Однако если аналитическое, тавтологическое предложение лишено содержания, предложения наблюдения дают нам чувство удовлетворения от подлинного знания о реальности.

Надеюсь, ясно, что все здесь зависит от характеристики непосредственности, свойственной предложению наблюдения, которой эти предложения обязаны своей значимостью или незначимостью, значением абсолютной правильности или незначимостью бесполезности.

Непонимание этого обусловило большую часть неудач в постановке проблемы протокольных предложений — то, с чего мы начали. Если я констатирую «здесь теперь синее», то это *не* то же самое, что протокольное предложение: «М. Ш. воспринял синее такого-то апреля 1934 г. в такое-то и такое-то время и в таком-то и таком-то месте». Последнее предложение — это гипотеза, и как таковое оно всегда недостоверно. Оно тождественно «М. Ш. ... (здесь должны быть указаны время и место) констатировал: «Здесь теперь синее». А то, что это предложение не тождественно констатации, которая в него входит, ясно. В протокольных предложениях *всегда* есть упоминание о восприятии (либо их мысленно добавляют — тождество личности воспринимающего наблюдателя важно для научного протокола), а в констатациях они никогда не упоминаются. Подлинная констатация не может быть записана, ибо как только я надпишу демонстративы «здесь» и «теперь», они теряют свой смысл. Их нельзя заменить и указанием времени и места, ибо как только мы попытаемся это сделать, в результате, как мы видели, неизбежно получится подстановка: вместо предложения наблюдения мы будем иметь противоположное предложение, которое как таковое имеет совершенно иную природу.

VIII

Думаю, что теперь проблема базиса познания прояснена.

Если наука берется как система предложений, логический интерес к которой ограничивается логическими связями этих предложений, на вопрос о базисе, который в этом случае превращается в «логический» вопрос, можно ответить совершенно произвольным образом. Ибо мы свободны определять базис так, как нам захочется. В абстрактной системе предложений нет ни первичного, ни вторичного. К примеру, наиболее общие предложения науки, т. е. те, которые обычно отбираются в качестве аксиом, могут считаться ее последним основанием; но это название с тем же успехом можно оставить за самыми частными предложениями, которые более или менее соответствуют записанным протоколам. Возможен и любой другой выбор. Но все предложения науки — как коллективно, так и индивидуально — являются *гипотезами*, если мы рассматриваем их с точки зрения их истинностного значения, их правильности.

Если внимание направлено на отношение науки к реальности, система предложений науки видится такой, какова она в реальности, а именно как средство ориентирования среди факторов, как достижение радости констатации, чувства окончательности. Проблема «базиса» автоматически превращается в проблему несомненного пункта встречи познания и реальности. Мы знакомимся с этими абсолютно фиксированными точками встречи, констатациями, в их индивидуальности: это единственные синтетические предложения, не являющиеся *гипотезами*. Они никоим образом не лежат в основе науки; но, подобно языкам пламени, познание как бы достигает их, прикасаясь к каждому лишь на мгновение и затем сразу же их поглощая. Набрав сил, огонь познания охватывает и остальное.

Эти моменты свершения и горения — самое существенное. Весь свет познания идет от них. Поисками источника этого света философ на самом деле и занят, когда он ищет последний фундамент познания.

А. Д. Айер

ЯЗЫК, ИСТИНА И ЛОГИКА

Глава 6

КРИТИКА ЭТИКИ И ТЕОЛОГИИ

Остается последнее возражение, справившись с которым, мы можем считать оправданной точку зрения, что все синтетические суждения суть эмпирические гипотезы. Это воз-